

Езиковедски проучвания.

В чест на академик Владимир Георгиев.

По случай седемдесет години от рождението му.

София, 1980. 518 с.

Юбилейният сборник в чест на выдающегося болгарского ученого Вл. Георгиева отличается широким охватом лингвистической проблематики, что само по себе неслучайно и является закономерным отражением исключительной разносторонности научных интересов юбиляра. Своими трудами Вл. Георгиев внес существенный вклад в разработку многих проблем общего и сравнительно-исторического языкознания, значительны его труды в области славянского и балканского языкознания. Этрусский язык, крито-микенская письменность, фракийский язык, мертвые языки Малой Азии, топонимия и гидронимия в связи в проблемой этногенеза балканских народов, вопросы структуры имени и глагольных категорий в индоевропейских языках, членение индоевропейской языковой общности и проблема кентум и сатем, вопросы этимологизации болгарского лексического фонда — вот неполный перечень тех проблем, к которым обращался в разные периоды своей научной деятельности Вл. Георгиев, в списке трудов которого насчитывается более 800 названий.

В рамках небольшой рецензии мы, естественно, лишены возможности сколько-нибудь полно осветить содержание этого большого интересного сборника, включающего более 70 статей. В соответствии со спецификой наших интересов мы сосредоточим внимание лишь на тех работах, которые так или иначе касаются вопросов славянской и болгарской этимологии, реконструкции праславянского лексического фонда. По существу этим вопросам посвящен весь III раздел сборника, частично они получают освещение в четырех других разделах сборника, которые обозначены: I Общее, индоевропейское и неиндоевропейское языкознание, II Балканское языкознание, IV Славянские языки, V Болгарское языкознание.

Работы общетеоретического характера занимают небольшое место в сборнике, и среди них прямое отношение к рассматриваемой нами теме имеет статья Х. Бирнбаума «О протоязыках, диахронии и «препрото-языках» (К типологии лингвистической реконструкции)». Х. Бирнбаум различает три типа реконструкции. Первый тип реконструкции праязыка как исходной точки развития в виде синхронных и асинхронных соответствий связан с именем А. Мейе. Второй подход — реконструкция абстрактной лингвистической модели (или эталона), по отношению к которой (или которому) оценивается степень расхождений генетически родственных языков. Такой «моделирующий» подход, по мнению Х. Бирнбаума, наиболее полное выражение получил в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова¹. И, наконец, третий тип реконструкции — это воссоздание абстрактной лингвистической модели, с которой соотносят другие абстрактные модели, представляющие собой серию признаков, обнаруженных в структуре реальных языков.

¹ Ср. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961, с. 273—305; Они же. К реконструкции праславянского текста. — В кн.: Славянское языкознание. V Международная конференция славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 88—159 и др.

Этот подход, ориентированный, по выражению Х. Бирнбаума, на реальность, является отражением многофункциональности языка как средства передачи информации и как вербального выражения или символизации магико-мифологических и/или эстетических сообщений. Задача не только в том, чтобы, пользуясь средствами внешней и внутренней реконструкции, достигнуть исходной ступени — протоязыка, но и в том, чтобы выйти за пределы протоязыка и рассмотреть его в рамках макросистемы в сопоставлении с другими группами языков (уральскими, алтайскими, картвельскими и т. д.). Структурный изоморфизм в широком смысле, наблюдаемый в разных языковых системах, может получить объяснение в терминах аллогенетических, т. е. как результат сложных процессов интерференции и конвергенции.

Значительная часть статей сборника носит конкретный этимологический характер и касается вопросов этимологизации славянской лексики. Последовательно рассмотрим наиболее интересные с нашей точки зрения исследования.

Раздел «Этимология и ономастика» открывает статья С. Б. Бернштейна («К этимологии праславянского **degъtь* 'рѣх, ахунгіа'»), в которой он, вслед за Зубатым, Фасмером, Славским, отстаивает гипотезу балтийского происхождения слав. **degъtь*. Один из основных доводов этой гипотезы — география слова, отсутствие его в южнославянских и серболужицких языках. Другое подтверждение своей гипотезы С. Б. Бернштейн видит в том, что в отличие от славянских языков, где слово **degъtь* изолировано, одиноко, соответствующие балтийские образования характеризуют активные деривационные связи. И, наконец, третий аргумент касается понимания праславянского как системы единой, монолитной или диалектно дифференцированной. С. Б. Бернштейн полагает, что изменение **dhegъh-* > **deg-* имело место в тот ранний период истории праславянского, когда еще не начали формироваться диалекты, до первой палатализации заднебных, до перехода е > а. На наш взгляд, все эти соображения, хотя и заслуживают самого серьезного внимания, не являются непреодолимым препятствием на пути признания генетического тождества слав. **degъtь* и лит. *dėgti* 'жечь', *degūtas*, *degūtis* 'смола, деготь'². Реконструкция праславянского лексического фонда углубляет во времени наши представления о диалектной дробности праславянского, что, следовательно, делает понятной и объяснимой локальность, ограниченность в пространстве многих изменений. Именно это обстоятельство и позволяет видеть в отдельных изолированных славянских образованиях типа ст.-чеш. *dehna* 'злой дух, черт', чеш. *dahněti* 'тлеть', с.-хорв. *da-gaļ* 'жир из костей' следы доассимиляционного состояния, диалектного отражения и.-е. **dhegъh-*. Интерпретация упомянутых слов в рамках этимологического гнезда с корнем **dhegъh-* > **deg-* снимает многие формальные и семантические неясности, о которых пишет С. Б. Бернштейн. Из всех разбираемых в статье случаев сомнительных, по мнению автора, эта этимология, действительно, не приложима лишь к словен. *degati koga* 'дразнить к.-л.', 'сплетничать о к.-л.', др.-серб. *degba* 'ссора'. По всей видимости, словен. *degati* родственно не продолжениям и.-е. **dhegъh-*, как

² ЭССЯ 4, с. 204—205, 283; 5, с. 205.

думает Ф. Безлай, а соотносится с другим рядом слов — чеш. диал. *džignít* 'кольнуть', укр. *дъбнути* то же, болг. *дѣгна* 'рубец, шрам' и т. д., — родственным лит. *diegti* 'колооть', *dýgti* 'прорастать, давать ростки'³. Интересные наблюдения над распространением двух других однозначных терминов — **kolomazь*/**kolomastь* и турцизма *катран* — ни в коей мере не противоречат идее исконности слав. **degьtь*. В целом же работа С. Б. Бернштейна, подчеркивающая сильные стороны старой этимологии, побуждает сторонников другой точки зрения еще раз пересмотреть, уточнить и усилить свою аргументацию.

А. Е. Супрун («Белор. диал. *жўляць, жб́ляць* 'тлеть' и их инославянские параллели») привлекает интересный белорусский диалектный материал и, опираясь на принцип контаминации, ставит вопрос об этимологической связи гл. **žuriti* и **žuliti*, **žalëti* и **žarь* с общим значением 'гореть, тлеть'. Эти образования определяются как комплексы $\dot{z} = r$ и $\dot{z} = l$ с варьированием *r/l*, семантически близкие, но не тождественные в звуковом отношении. Этимологическое тождество допускается для гл. **žuriti* (ср. блр. диал. *жўраць* 'пригорать, обугливаться, чернеть') и **žuliti* (ср. блр. диал. *жўляць, пажўляць* 'тлеть'), а для **žalëti* (ср. блр. диал. *жб́лець* 'тлеть') и **žarь* предполагаются более сложные отношения: развитие **žal-* из **žul-* под влиянием **žarь*. Это означает, что для **žalëti* с широкой географией допускается воздействие узко локального образования, представленного преимущественно в белорусских диалектах, с вторичным значением 'жечь' < 'тереть', что само по себе представляется очень проблематичным. При семантическом обосновании гл. **žuliti* 'жечь' < 'тереть' особое значение придается показаниям южнославянских языков и, в частности, словен. *žulj* 'колючее, острое растение', которое, по мнению А. Е. Супруна, может быть понято как жгучее растение. Но словен. *žulj*, по всей видимости, имеет другую этимологию⁴. Вместе с рус. диал. *желдь* ж. р. 'Hex aquifolium', болг. родоп. *жѣлдѣ ме* (безл.) 'колет, режет; вызывает внутреннее беспокойство' оно продолжает основу **žald-* < **žьl- + d-*, родственную лит. *gėlti* 'болеть, жалить', лтш. *dzelt* 'колооть'. Слав. **žalëti* 'преть' с более широким привлечением русского (ср. диал. *жб́леть* 'преть') и западнославянского материала (ср. словац. *želijet*, польск. *żalić się* 'тлеть' и др.) получило, на наш взгляд, более убедительное истолкование в работе И. П. Петлевой, где оно рассматривается как продолжение и.-е. **ghel-* (**ghel-*) 'блестеть, сиять' в кругу следующих соответствий: др.-в.-нем. *gluoen* 'жечь', *gluot*, *glœd* 'жар, навал, раскаленные угли', др.-исл. *glōd* 'жар, навал' и т. п.⁵.

О. Н. Трубачев («Об одном случае глагольного супплетивизма: праслав. **-něti* 'нести, приносить'») предлагает новое этимологическое осмысление некоторых сербохорватских форм, по традиции объединяемых вокруг *něsti*, *něsem*. На основании с.-хорв. аор. *nijeh*, инф. *-nijeti* (ср. *zà-nijeti* 'понести, забеременеть') О. Н. Трубачев восстанавливает особый

³ ЭССЯ 5, с. 205.

⁴ *Bezlej F*, *Eseji*, с. 135.

⁵ *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. III. Рус. *нежелъ, жб́леть* 'преть', словац. *želijet*, польск. *żeliwo*. — В кн.: *Этимология* 1973. М., 1975, с. 44—47.

пра­славянский диалектизм **něti* и сближает его с др.-инд. *nāyati* 'вести', авест. *naue'ti* 'приносить, вести', хетт. *nāi-*, *ne-* 'направлять, вести' и т. п. Реконструкция этого древнего праславянского диалектизма существенна во многих отношениях: 1) позволяет реконструировать явление глагольного супплетивизма **nesti* — **něti* для праславянского уровня; 2) проясняет структуру и исходную форму индоиранских соответствий (исходная форма только **naǵ-* или **noǵ-* вместо праформы **neǵ-*, **neǵə-*, **ni-*); 3) является одним из многих других показателей ранней диалектной дифференциации праславянского.

Ф. П. Филин («К истории восточнославянского слова *пелька*») polemизирует с несколько прямолинейным объяснением слова *пелька* во всем многообразии его значений как балтийского заимствования. Изучение географии, семантики слова позволяет автору прийти к выводу о трех источниках вост.-слав. *пелька*. Только в значении 'болото', 'яма, колдобина с водой' и т. п. это слово, ограниченное северным регионом, может быть отнесено к балтизмам. *Пелька* как обозначение деталей одежды и в переносном употреблении, представленное на обширной территории северных и южных говоров, связывается с и.-е. **pel-*, рус. *пелена*. И наконец, для регионального псков. *пелька* 'деревянный черпак' предполагается балтийско-финский источник (финск. *pelkka* 'брус', 'балка' < ст.-швед. и совр. швед. *bjälke*, *bjalka*, др.-сканд. *bialke* 'брус', 'балка', 'бревню', 'жердь'). Заметим, что в последнем случае открытой остается возможность родства с ц.-слав. *исполъ*, *сполъ* 'приспособления для черпания', словен. *pdl*, *pbla* 'черпак'.

Вл. Шаур («Два балканских названия дерева») выводит с.-хорв. шток. *оморика* 'Рисеа омогиса' из тур. *орман* 'лес', предполагая семантический переход 'лес' > 'хвойный лес' > 'можежевьельник, ель'. Но эта этимология, сопряженная с трудностями фонетического и семантического характера, так же проблематична, как и все предшествующие, кратко обозреваемые в статье, поэтому едва ли может быть принята. Столь же неубедительно объяснение с.-хорв. *оскоруша* 'Sorbus domesticus' как заимствования древнеалбанского сложного слова, незасвидетельствованного, возникшего на базе алб. *ashe* 'кустарник или небольшое дерево', 'Plex acufolium' и производного от него *ashërë* 'щепки', *ash(k)ë* 'древесная стружка', *ashkël (i thatë)* 'щепки'. Критически оценивая этимологии, связывающие с.-хорв. *оскоруша* с вост.-слав. *осокорь* 'Populus nigra', слав. **byъъъ* 'быстрый' и и.-е. *(s)ker- 'резать' и т. п., автор проходит мимо объяснения П. Скока, весьма правдоподобного, основанного на сближении *оскоруша* с слав. **kora*/**skora* ⁶.

К. Костов («Замечания к проблеме латинско-славянских лексических соответствий»), подчеркивая плодотворность поисков латинско-славянских соответствий, особенно на уровне сочетаний слов, высказывает критические замечания по конкретным соответствиям, в разное время предложенным В. Н. Топоровым ⁷. Так, К. Костов полагает, что соответствие лат.

⁶ Skok II, с. 570.

⁷ Топоров В. Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели). — КСИС 1958, т. 25, с. 74—79; *Он же*. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с. 3—19.

volup ~ слав. *великая любовь* строится на неправильном понимании фонетического облика латинского слова, в котором О. Семереньи видит сложение **welo-lubhi* с развитием *b > p*. По наблюдениям К. Костова, латинский материал не дает примеров фонетической замены *b > p* и не сохранил следов рассматриваемой основы с исходным *b*. Этот довод фонетического характера, если не полностью снимается, то в какой-то степени ослабляется тем обстоятельством, что реконструкция О. Семереньи, на которой строится гипотеза В. Н. Топорова, с изменением *b > p* на стыке морфем с последующим обобщением исходного *p*, должна быть отнесена к эпохе более ранней, чем письменные свидетельства латинского языка.

В предположенном В. Н. Топоровым соответствии лат. *reg-* (ср. *regio*, *erigere* и т. д.) ~ слав. *rězati* серьезное препятствие, по мнению К. Костова, создает семантика, отсутствие семантического тождества. При этом К. Костов исходит не из разрабатываемой В. Н. Топоровым концепции культурно-исторического развития общего источника этого соответствия — основы **rěǵ-*, а из конечных результатов развития, из фактов расхождения, оставляя в стороне пережитую эволюцию. Действительно, семантическое отклонение слав. **rězati* и лат. *gregis regia* 'скотный двор', *regnum*, *regia* 'власть, господство' (*regia de tauri in gregem imperio*) не является прямым и очевидным, оно воссоздается как результат длительного семантического развития исходного термина, первоначально обозначавшего, как полагает В. Н. Топоров, сакральное место для жертвоприношения, вполне определенный отрезок во времени и пространстве, т. е. с основой **rěǵ-* первоначально связывалась идея проведения границ, измерения участка, его членения. В свете этой концепции не так безнадёжно выглядит сопоставление лат. *regere tela* 'бросать в цель' и слав. **poraziti* и некоторых других выражений, архаизмов из словаря древней ритуальной практики. Весьма важным представляется заключение В. Н. Топорова: «История изучения продолжателей и -е. **rěǵ-* в отдельных языках показывает со всей очевидностью, каким образом пренебрежение семантическими тонкостями приводит к разъединению и изоляции единых по происхождению элементов, несмотря на то, что эти элементы безупречно соответствуют друг другу с фонетической точки зрения и входят в весьма сходные словообразовательные модели». (Этимология 1972, с. 18).

Р. Бернар («Болг. *кдледа*, провансальское *calendo* 'рождество'») в широком культурно-историческом контексте восстанавливает семантическое развитие термина **kolęda*, который в языках Балканского пол-ва связывается с кануном рождества и рядом фольклорных обычаев (рождественский хлеб, пение песен и т. п.). По наблюдениям автора, этот обычай своими корнями уходит в эпоху язычества и первоначально был приурочен к периоду зимнего солнцестояния. Р. Бернар прослеживает трансформацию этого праздника в различных традициях и позднейшую соотнесенность его с церковным праздником Рождества Христова. Автор обнаруживает большое сходство в семантике слав. **kolęda* ('рождество') и обычаях, связанных с этим праздником, на юге Франции в Провансе и у родопских болгар-помаков, исповедующих ислам, не сохранивших частично христианскую терминологию. Сходство двух периферийных областей объясняется общим источником влияния, каким, по мнению автора, могла быть франкская империя Каролингов. Интересное свидетельство

дает «Немецкий словарь» братьев Гримм, где *Kalendenblock* приводится как синонимичное *Wehnachtsblock* 'рождественское дерево'.

В краткой заметке Эд. Штибер еще раз возвращается к ц.-слав. вым. Опираясь на отношение польск. *myć*: *myjka*, **ryti*: *ryja* (ср. *Czartoryja*), **vyti*: *vyja* (ср. название *Wilkowyja*), он предполагает для этого слова производность от **vyti*, но остается не совсем ясной семантика и становление анатомического термина.

Э. Хэмп, исследуя индоевропейские отражения корня **kneHas-* 'кашлять', восстанавливает интересное славяно-балтийско-албанское соответствие с формантом *-l*: **kneHas-l-ā/jio* > слав. **kašъль* ~ лит. *kosulỹs* ~ алб. *kollë*.

Й. Кноблох восстанавливает новые индоевропейские связи, предполагая родство слав. **kosmъ*, **kosa* (~ **česati*) с греч. *κόσμος* 'порядок' > 'украшение', 'прическа' и лат. *comis* 'дружеский'.

Вяч. В. Иванов («К индоевропейским названиям колеса и колесниц») анализирует некоторые общиндоевропейские и диалектные индоевропейские названия колеса и повозок и показывает значение этой тематической группы слов для сравнительно-исторического языкознания, для восстановления ареала миграций индоевропейских племен.

В широком культурно-историческом плане В. Абаев рассматривает отношения фракийских и скифо-сарматских племен и восстанавливает иранский источник для ряда фракийских глосс.

В кратком словообразовательном очерке «Праславянский суффикс *-et-*» Ф. Славский определяет производящую базу образований с этим суффиксом, показывает особенности развития этого типа имен в разных славянских языках, рассматривает суффикс *-et-* в плане отношений с суффиксами *-itъ*, *-ьсь*, высказывает соображения об индоевропейских истоках этого суффикса.

Часть работ сборника посвящена изучению болгарской и староболгарской лексики.

Фр. Мареш (Ст.-слав. *велин* — *великъ*) на большом фактическом материале, почерпнутом из старославянских текстов, показывает, что в отношении *великъ* — *великий* следует более ранней признать форму *великыи*, она засвидетельствована более древними текстами, а форма *великъ* сложилась по образцу *велин* и далее вытеснила последнюю. М. Рачева расширяет круг продолжений основы и.-е. **kāi-* 'бросать, метать' на почве болгарского языка (ср. *кѣткам* 'ласкать, забавлять ребенка', *кѣдрим* 'относиться дружески', *кѣдря* 'ласкать', *кѣча* 'ласкать', 'баловаться', *кѣтка* 'початок (кукурузный)' и т. п.). Т. Тодоров восстанавливает румынский источник (*căcior*, *căciôr*) для болг. *кѣчур* 'пестрый'. И. Петканов предполагает для имени *Боян*, *Бояна* латинский источник — нар. лат. *Vo(j)ana* < *Vo(v)iana*, апелл. *bo(v)ianus* 'воловий'.

Вопросы балканской топонимии получают отражение в сборнике. Ив. Дуриданов восстанавливает латинское происхождение для многих топонимов Балканского пол-ва. Й. Заимов выявляет большой слой болгарских географических названий в Греции.

В настоящей заметке мы коснулись лишь тех работ, которые так или иначе затрагивают этимологическую проблематику. Многие другие проб-

лемы из области славянского и болгарского синтаксиса, словообразования, исторической фонетики, также освещаемые в этом сборнике, остаются за пределами нашего внимания.

Л. В. Куркина

**Solta G. R. Einführung in die Balkanlinguistik
mit besonderer Berücksichtigung des Substrats
und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980, 261 с. + карта**

Венский индоевропеист Георг Ренатус Зольта выпустил новую книгу до балканскому языкознанию, которая представляет собой весьма компактное изложение многочисленных сложных вопросов, охватываемых в настоящее время понятием балканистики. Общеметодологические проблемы переплетаются в ней с рассмотрением конкретных фактов. Характеризуется отношение балканской лингвистики и проблемы языкового родства; дается затем очерк балканского субстрата или субстратов с краткими характеристиками древних балканских языков (фракийский, дакский, иллирийский, пеонский, дарданский); достаточно подробно освещаются субстратные слова в румынском и албанском; специально выделяются проблемы румынского и албанского этногенеза и определяются отношения соответствующих языков к греческому, латинскому, славянскому языкам. Современные славянские языки Балкан и турецкий также освещаются из общей балканской перспективы. Значительное место уделено балканизмам разных языковых уровней (фонетика, морфология, синтаксис). Совершенно очевидно, что перед нами содержательная книга, особенно если учесть внимание автора к истории затрагиваемых вопросов и к библиографии. Следует также отметить умение автора давать четкие и удобообозримые очерки проблем. Понятия «балканизмы» и «балканские языки» весьма сложно распределяются в балканском географическом и языковом ареале, затрудняя проведение четких границ. В историческом аспекте отмечается постепенное нарастание собственно балканских черт: «Балканский характер новогреческого языка едва ли был предсказуем в древнегреческую эпоху» (с. 8). Таким образом, понятия «античная балканистика» или «палеобалканистика» оказываются в известном смысле метафорой.

Весьма уместны сомнения автора в достоверности «передвижения согласных» в фракийском, ср. сохранность *-p-* в местных продолжениях и.-е. **ap-* 'вода' (с. 18—19). Исследователям славянских рефлексов индоевропейских палатальных задненебных несомненно пригодится указание на стадию африкаты (*ts*) у балканского *th*, восходящего к и.-е. *k̂* (с. 41). Видимо, автор прав, считая, что «значительные пласты заимствований немислимы без известного престижа языка-источника» (с. 88), только спрашивается, был ли таковой у албанского языка? — По мысли Зольты, именно албанский был центральным языком балканского языкового союза (с. 233), хотя, говоря о культурно наиболее авторитетном балканском языке, мы безусловно вспомним в первую очередь греческий язык, центральная роль которого в балканистике сейчас нередко подвергается сомнению (с. 233),